

РАДИЩЕВ В УДМУРТИИ

В ноябре 1790 года, направляясь в сибирскую ссылку, автор «Путешествия из Петербурга в Москву» начал вести путевые записки. Их тщательный анализ показал, что они предназначались для будущих сочинений, хотя А. Н. Радищев дал слово А. Р. Воронцову ничего не писать без его ведома. Но впечатлений было так много, что все удержать в памяти Радищев не надеялся — и потому нарушил это обещание, полагая, что граф не узнает о дневнике (ведь велся-то он для себя!).

Хорошо зная жизнь русского народа (о чем свидетельствуют «Путешествие из Петербурга в Москву» и другие произведения 80-х годов), А. Н. Радищев во время этого вынужденного путешествия впервые знакомился с условиями существования народов и наций «по другую сторону Волги» — к Востоку от нее.

Удмуртия, большую часть которой входила в то время в состав Вятской губернии, предстала перед Радищевым как страна новая, неизвестная. Всего три дня, с 14 по 16 ноября, продолжалось его путешествие по Удмуртии — через Какси («тож Мука-Какси» — указывает он второе название села), Сюмси, Юбери, Селты («или Кожиль-селты»), Зятцы, Игру и Дебессы («или Николаевское») — с ночлегами в Юберях и Игре. Но любознательный «путешественник поневоле» (его выражение) пристально вглядывался в проносившиеся мимо места, осматривался «окрест» во время остановок, запоминал названия населенных пунктов, содержание разговоров с разными людьми и затем фиксировал все это в дневнике. Он очень лаконичен, прерывист и в некоторых случаях не совсем понятен. Это объясняется тем, что Радищева везли по тем временам быстро, в день делалось по сто и более верст. Остановки были недолгими, писать приходилось урывками, соблюдая осторожность, таясь от сопровождавших его конвойных.

Тем не менее в путевых записках — при всей их краткости — отразился определенный ход мыслей Радищева. Если бы мы даже не знали о принадлежности этих записок ему (а они были обнаружены лишь в XIX веке без указания фамилии Радищева), то легко ощутили бы их перекличку с «Путешествием из Петербурга в Москву» как в широте охвата наблюдаемой действи-

тельности, в преимущественном интересе к жизни простого народа, так и в стиле.

14 ноября писатель переезжает реку Валу в 5 верстах перед Какси, видит удмуртские деревни в двух верстах от реки и записывает: «Они («вотяки». — А. Т.) овинов не имеют, хлеб молотят сырой, а когда молоть, то сушат в печах. Народ боязливый и добрый» (III, 254). Очевидно, Радищеву бросилась в глаза некоторая робость и сдержанность удмуртов при встрече с ним, незнакомым человеком, находящимся к тому же под охраной.

Однако при более близком общении ему открылись их отзывчивость, приветливость, доброта. По одной из записей можно судить, что местные жители охотно угощали проезжающих. В Дебессах, помечает Радищев, «оставили больного солдата-старика, который занемог от холода и объелся дарового кушанья» (III, 255). Видимо, этот солдат-конвоир (который, как выясняется, «жил в монастыре два года» и постился) пожадничал, переел и перепил на празднике в Юберях, о котором Радищев записал: «...Ночевали. Нашли праздник, состоит в том, что все девки, бабы и мужики ходят из двора во двор и пьют пиво; ходили до утра и перепились допьяна» (III, 254).

15 ноября Радищев проехал через Селты, Зятцы и Игру, записав затем в дневнике: «Вотьяков много малобородых. Народ простой. В Зятцах писарь ученый порусски... В Дебесе похожи на русских. Есть писарь, который требует подорожной и принудил офицера заплатить прогоны за все три. Есть у иных овины и риги, но по полям колки. Сушат хлеб в снопах... Вотьяки почти как русские, женаты многие на русских бабах. Избы уже белые у них... Вотьяки поют, едучи, как русские ямщики. Нравы их склонны более к веселию, нежели к печали...» (III, 255).

Из этих помет ясно видно, что ссыльный писатель хотел составить ясное представление о народе, с которым он встречался впервые. Радищев сравнивает вотьяков с русскими и, будучи совершенно чужд национализма и дворянского высокомерия, находит между ними много общего, обнаруживая свой демократизм и, так сказать, интернационализм. Уже одним этим он резко выделялся среди многих своих современников. Но интерес, значение его путевых записок заключается не только в этом.

Во время путешествия и в ссылке Радищев все время вспоминал содержание своего «Путешествия из Петербурга в Москву» и соотносил его с впервые открывшейся перед ним «по ту сторону Волги» действительностью. Он как бы хотел уяснить, мог бы быть героем его произведения и этот народ, если бы знакомство с ним произошло раньше. Радищев стремился постичь национальный характер удмуртов, их душу через песню.

Не зная удмуртского языка, Радищев не мог, конечно, понять, о чем «вотяки поют, едучи». Но они так же любят петь, как и русские ямщики. Разница лишь в том, что русские песни «по обыкновению, заунывные», а нравы удмуртов «склонны более к веселию». Прямого ответа на вопрос о причинах этого различия Радищев не дает, но из других его записей, связывающих особенности национального характера с историей того или иного народа, с его традициями, обычаями и социально-политическими условиями жизни, явствует одно: нужно изучать эту историю и эти условия и изменять их, чтобы во всей полноте проявилась способность каждого народа к совершенствованию. «...Сколь один народ от другого не отличается, однако вообразя возможность, что он может усовершенствоваться, найдем, что может он быть равен другому... Из чего заключить можно, что развержение народного разума зависит от стечения счастливых обстоятельств» (II, 59). Это историко-материалистическое заключение Радищева в определенной степени обусловлено и его путешествием, наблюдениями, размышлениями периода кратковременного пребывания в Удмуртии. В этой связи любопытна запись о писаре в Зятцах.

Что хотел сказать Радищев, когда пометил: «...Писарь ученый по-русски»? Во-первых, то, что факт это — исключительный (в противном случае он не отметил бы его так). Во-вторых, то, что и удмурты способны овладеть, как тогда говорили, «науками». Ссылному автору очень важно было доказать, что отсталость некоторых народов, проживающих вдали от центров просвещения, объясняется не отсутствием у них дарований, способностей, а социально-политическими причинами. В таком понимании сказался революционный демократизм и опять-таки интернационализм Радищева. Писарь в Зятцах — свидетельство того, что «развержение народного разума» возможно и здесь, в глухой провинции. Необходимо только «стечение обстоятельств». Каковы они

были у этого писаря, мы не знаем, но понятно, что если бы таких грамотных людей здесь было много, то Радищев не сделал бы пометы о нем.

Известно, что в большинстве уездов организация народных училищ началась еще в 1789 году, причем поручено это было городничим, многие из которых не имели никакого понятия о «науках». К 1790 году из тринадцати уездных центров Вятской губернии училища были открыты только в трех — Сарапуле, Нолинске и Котельниче. Содержание училищ и оплату труда учителей (по 150 рублей в год) должны были взять на себя городские и сельские «общества». Об их активности можно судить по таким фактам.

В 1789 году городничие провели подписку пожертвований на училища и собрали по Сарапулу 79 рублей, по Глазову — всего 37 рублей 90 копеек¹. Правительство не выделяло на эти цели ни одного рубля. Ясно, как должен был заинтересовать Радищева писарь из Зятцев. Очевидно, между ними состоялась беседа, и этот писарь рассказал ссыльному писателю о «стечении обстоятельств», позволивших ему выучиться грамоте «порусски».

Изучение архивных материалов позволяет предположить, что упомянутый Радищевым писарь из Дебесс был Семен Луппов, который в 1795 году составлял ревизские «сказки» (списки) по Дебессам, включавшие в себя 306 душ мужского и 322 души женского пола².

16 ноября Радищев переправился через реку Чепцу, сделав позже запись: «По ней ходят суда от Глазова и ниже с хлебом в Астрахань, впадает в Вятку» (III, 255). Глазов здесь упомянут так, как если бы город этот был знаком Радищеву (хотя он через него и не проезжал). Что же ему могло быть известно от местных жителей? Скорее всего, некоторые сведения из описания Глазова, которое было составлено к этому времени и прилагалось к картам. В этом описании говорится, что «по реке Чепце вниз от города в вешнее время бывает малым судам ход и гонка строеваго и дровянаго лесу»³.

И еще об одном городе упоминает Радищев, но уже при возвращении из Сибири. 19 мая 1797 года он заезжал в Сарапул и нашел там «дальнюю родню».

Местные краеведы высказывают предположение, что этим родственником писателя был городничий Андрей Васильевич Дуров, отец известной позже писательницы «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой. Однако архив-

ные документы показывают, что в мае — июле 1797 года ни самого городничего, ни его жены в Сарапуле не было⁴. Из нескольких сотен остальных жителей только одна семья представляет интерес для решения вопроса о «родне». Это отставной секретарь Посников Алексей Иванович и его мать, вдова Екатерина Афанасьевна, которой в 1797 году было уже 79 лет.

В письмах Радищева и разных документах о нем фамилия Посникова встречается не раз, хотя ни одного из них он не называет своим родственником. Впрочем, это еще ни о чем не говорит. Известны другие лица, которые упоминаются Радищевым так же, как и Посников, но состояли в родстве с ним. Известно и другое: отца писателя звали Николай Афанасьевич, у него была сестра, фамилия мужа которой до сих пор не установлена. Наконец, родственники Радищевых проживали в разных губерниях, в том числе и в Казанской, куда входила часть современной Удмуртии.

Может быть, мать отставного секретаря Екатерина Афанасьевна как раз и была сестрой отца А. Н. Радищева и, следовательно, его теткой. Как бы то ни было, существование родни писателя в Сарапуле дает основание думать, что и в этом городе кто-то знал о нем и о его «Путешествии из Петербурга в Москву». Несмотря на запрет, оно распространилось в списках почти по всей территории России. Его находили в Петербурге и Москве, в Одессе и Таганроге, Киеве и Полтаве, Воронеже и Туле, Саратове и Ярославле, Кунгуре и Минусинске... Не исключено, что произведение А. Н. Радищева не миновало и Вятскую губернию, в состав которой входила и теперешняя Удмуртия.

„ТЫ ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ...“

На другой день после ареста и заключения Радищева в Петропавловскую крепость в руках С. И. Шешковского оказалась «повинная» писателя, в которой он кратко излагал историю создания «Путешествия из Петербурга в Москву», признавал свою вину и просил о помиловании. При каких обстоятельствах была написана эта «повинная», мы не знаем. Возможно, свою роль здесь сыграл А. Р. Воронцов, который по распоряжению